

Н. С. Данкова
Пенза, Россия

СТРАТЕГИЯ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ)

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена исследованию проблемы дискурсивного конструирования образа судебной власти в российских и английских печатных СМИ. Актуальность исследования обусловлена негативным отношением граждан к институту правосудия в России, а также значительной долей критики в адрес судебной власти в Великобритании. Цель работы — исследование дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы, реализующих стратегию генерализации. Стратегия генерализации способна создавать как положительный, так и отрицательный имидж судебной власти, однако, по наблюдениям автора статьи, она чаще используется для выражения критических замечаний. В рамках обозначенной стратегии проводится анализ языковых средств ее реализации. Исследуются средства лексического и грамматического уровней языка, а также стилистические приемы, конструирующие стратегию генерализации в российской и английской прессе. Согласно проведенному исследованию, стратегия генерализации создается также посредством приема подбора фактов, реализующего интенцию журналиста. Кроме того, выявляются культурные особенности использования стратегии генерализации, присущие российским и английским печатным СМИ. В заключение сделан вывод о том, какова роль данной стратегии в конструировании образа судебной власти СМИ. Статья способствует пониманию дискурсивных механизмов СМИ, воздействующих на восприятие обществом судебной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная власть; СМИ; стратегия; генерализация; образ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Данкова Наталья Станиславовна, старший преподаватель, аспирант кафедры английского языка, Пензенский государственный университет; 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: n.s.dankova@mail.ru.

Проблема репрезентации властных структур в дискурсе СМИ не первый год привлекает внимание лингвистов [Кормилицына 2004; Дубровская 2008; Пономарева 2008; Харламова 2008; Суздальцева 2012; Харламова 2014 и др.]. Интерес исследователей обусловлен конструирующей функцией медиадискурса. В этой связи М. А. Кормилицына отмечает: «В глазах людей, живущих в России, политик таков, каким нам его рисуют СМИ» [Кормилицына 2004: 66]. Полагая, что данное высказывание справедливо и в отношении судьи и судебной власти в целом. Аудитория имеет дело с образами, которые ей представляют СМИ, на основании которых она формирует свое восприятие судебной власти и отношение к ней.

Проблема отношения граждан к институту правосудия на сегодняшний день приобретает особую значимость. Данные социологических опросов, а также комментарии читателей электронных сайтов печатных изданий выявляют недоверие российских граждан системе правосудия [Российский суд...]. Несмотря на то, что уровень доверия граждан английской судебной системе сравнительно выше, судьи Великобритании часто критикуют за чрезмерную мягкость [Select Committee on Constitution...]. Кроме того, вопрос репрезентации правосудия в СМИ является актуальным в свете реформирования судебной власти в Великобритании и России.

Результаты проводимых нами исследований репрезентаций института правосудия в СМИ говорят о наличии определенного стратегического подхода журналистов к освещению деятельности данного института власти [Гуляйкина, Дубровская, Данкова 2014; Данкова 2015; Dubrovskaya, Dankova,

Gulyaykina 2015]. Стратегия генерализации является одним из прагматингвистических средств репрезентации института правосудия в СМИ. Целью данного фрагмента исследования является изучение дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы посредством стратегии генерализации. Несмотря на то, что понятие «генерализация» широко изучено в рамках различных научных дисциплин, исследований, направленных на изучение стратегии генерализации в дискурсе СМИ о судебной власти, нам не встречалось.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти, опубликованные в идеологически противоположных печатных изданиях Великобритании и России: широкоформатной газете «The Guardian» (далее «The G»), таблоиде «The Daily Mail» (далее «The DM»), правительственной «Российской газете» (далее «РГ») и оппозиционной «Новой газете» (далее «НГ»). Статьи отбирались методом произвольной выборки в период с января 2013 г. по декабрь 2014 г. Общий объем материала составляет 200 статей.

Методология исследования основана на дискурсивном анализе. Применение данного методологического подхода к анализу дискурса СМИ о судебной власти, на наш взгляд, является ключом к пониманию социальных процессов, связанных с массовым восприятием института правосудия.

Методика обработки материала включает несколько шагов. Сначала статьи для анализа были извлечены из электронных архивов изданий. Затем корпус текстов был исследован, в нем была выделена стратегия генерализации. Далее следовал анализ

данной стратегии с точки зрения языковых средств ее реализации, который позволяет выявить роль стратегии генерализации в создании образа судебной власти в английской и российской прессе.

Под генерализацией традиционно понимается «обобщение, логический переход от частного к общему, подчинение частных явлений общему принципу» [Большой энциклопедический словарь...]. Существование данной стратегии обусловлено особенностями человеческой психики. Исследователи отмечают, что в процессе познания мира человеку свойственно обобщать, причем это может происходить как сознательно, так и неосознанно [Sutherland et al. 2015]. Данное свойство человека находит отражение в языке. Отмечено, что обобщающие утверждения неизбежно присутствуют в любом исследовании в виде конечного результата умозрительных процессов познания [Meija 2010]. М. Резигел и Р. Водак затрагивают вопрос склонности человека к обобщению, исследуя проблему расовой дискриминации [Reisigl, Wodak 2001]. В своей работе ученые рассматривают генерализацию как перенос качеств, присущих отдельным лицам, на целую социальную группу и утверждают, что обобщающие высказывания такого рода являются ошибочными [Там же]. Исследуются функции генерализации. Согласно исследованию Т. А. ван Дейка, генерализация лежит в основе предубеждений [Dijk 1984]. И. В. Фролова рассматривает трансформацию мнения отдельного лица в «общее мнение» как способ выражения предвзятости в дискурсе СМИ [Фролова 2015: 140]. Вопросу стереотипных представлений о России, созданных посредством генерализации, посвящена работа О. Г. Орловой [Орлова 2013].

Вслед за ведущими западными учеными в области критического анализа дискурса под стратегией мы подразумеваем «более или менее точный план действий (включая дискурсивные действия) с большей или меньшей степенью намерения, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak, 2001: 44]. В рамках данного исследования этот план реализуется через перенос признаков и качеств, характеризующих отдельные объекты, на целую социальную группу или структуру. Наш интерес сфокусирован на тех фрагментах дискурса, когда обобщения создаются дискурсивно и направлены на достижение определенного коммуникативного эффекта. Так, Т. А. ван Дейк говорит о стратегической генерализации, которая нацелена на управление мышлением адресата,

осуществляемое адресантом [Dijk 1995]. В этой связи отмечено, что стратегия генерализации позволяет использовать дискурс с целью формирования мнений и убеждений [Ajiboye 2013]. Н. Л. Ноблок изучает перлокутивные эффекты генерализации в дискурсе предвыборных президентских дебатов 2004 г. в США и отмечает, что данная стратегия является способом снижения уровня конкретности высказывания [Ноблок 2007].

Ученые изучают языковые формы, выражающие стратегию генерализации. И. М. Сальникова исследует метафорическую модель «Политика — это спорт» в политическом дискурсе и утверждает, что метафора, имеющая собирательное значение, обеспечивает говорящему возможность посредством одной лексической единицы именовать целую группу людей или явлений [Сальникова 2013]. С. Ю. Архипов обращается к стратегии генерализации, исследуя лексические языковые средства, а именно номинации, используемые для обозначения людей [Архипов 2012]. Л. В. Порохницкая изучает, как используется стратегия генерализации для образования эвфемизмов в разных языках [Порохницкая 2012].

Обратимся к результатам настоящего исследования. Стратегия генерализации в дискурсе СМИ позволяет журналистам конструировать положительный или отрицательный образ правосудия посредством обобщающих выводов о функционировании судебной власти, сделанных на основании событий, связанных с работой суда. В качестве таких оснований выступают конкретные явления действительности, которые имели место в далеком или недавнем прошлом, причем о событии, которое легло в основу обобщающего высказывания, может вовсе не упоминаться. Следует отметить, что данная стратегия имеет ярко выраженную негативную направленность, характеризует судебную систему с отрицательной стороны. Основные проблемы, которые затрагивают журналисты при применении стратегии генерализации, касаются обвинительного уклона российского правосудия и, напротив, чрезмерной мягкости английских судов, функционирования секретных судов, а также сокращения финансирования судопроизводства в английском материале, политизации института правосудия, судебных ошибок и других. Случаи использования стратегии генерализации с целью создания положительного образа правосудия немногочисленны и встречаются преимущественно в «РГ». Стоит отметить, что стратегия генерализации используется в сочетании с другими стратегиями, поскольку положительная или отрица-

тельная окраска данной стратегии определяется общей тональностью публикации.

Обратимся непосредственно к **языковым средствам**, составляющим стратегию генерализации. Данная стратегия реализуется прежде всего средствами лексического уровня языка. Ее составляют, во-первых, **лексические единицы со значением регулярности/нерегулярности** совершения действия, которые позволяют читателю сделать вывод о том, что является общепринятой практикой в работе суда. Значение регулярности/нерегулярности передают разные части речи. Одной из них является наречие: *В наших реалиях главные фигуранты обычно остаются на свободе, в России, при должностях и имуществе* («НГ». 09.07.14); *Miss Maddocks is thought to be the first person imprisoned by the Court of Protection. However no one can be certain because of the secrecy under which the court regularly works* («The DM». 03.05.13). — Считается, что мисс Маддокс была первым человеком, которого Опекунский суд заключил под стражу. Однако никто не может быть в этом уверен из-за условий секретности, в которых суд регулярно работает (перевод с английского здесь и далее мой. — Н. Д.); *Under the United Nations' Bangkok rules and the Human Rights Act, the courts should weigh the seriousness of a woman's crime with the fact that she has dependant children. This rarely happens* («The G». 16.06.13). — Согласно Бангкокским правилам Организации Объединенных Наций и Закону о защите прав человека, суды должны соотносить тяжесть преступления женщины с фактом наличия детей, находящихся на ее попечении. Это происходит редко.

В следующем примере значение регулярности передается с помощью наречия **напропалую**, характерного для разговорного стиля общения, которое придает негативную тональность высказыванию: *Да и по опыту мы это хорошо знаем: судьи напропалую отказывают в аудиофиксации: „Нет технической возможности“* («НГ». 09.12.13).

Для выражения крайней степени нерегулярности используется наречие **никогда**: *Потому что в делах политических у властей мотив все-таки есть, а в данном случае — исключительно тупость репрессивной машины, которая никогда ни под каким видом не позволит себе признать собственные ошибки и отпустить несправедливо арестованного человека* («НГ». 02.08.13).

На регулярность совершения какого-либо действия указывают имена существительные и прилагательные, в семантику которых заложено данное значение: *Ужасает*

сама тенденция: молодежь становится объектом репрессий («НГ». 03.07.13); *Терапевта Алевтину Хориняк признали преступницей за то, что она выписала обезболивающее пациенту, умиравшему от боли. Самое страшное, что этот случай — типичный* («НГ». 24.05.13); *In the court of protection the general rule is that hearings are held in private, with the media and public excluded* («The G» 16.01.14). — **Общее правило** опекунского суда заключается в том, что слушания проводятся при закрытых дверях — **СМИ и общественность не допускаются**; *Her case — by no means untypical — is the perfect illustration of why our current adversarial legal system, based on live cross-examination, is unfit for purpose and fails to produce justice for abused children* («The DM». 13.05.13). — Ее случай, который никоим образом не является **исключительным**, служит превосходной иллюстрацией того, почему наша современная система судопроизводства, основанная на состязательности сторон и включающая перекрестный допрос в суде, является непригодной и несправедливой по отношению к детям, ставшим жертвами насилия; *And although Wanda Maddocks is thought to be the first person jailed by the court, no-one can be sure — someone else might have been imprisoned behind the court's accustomed closed doors* («The DM». 24.04.13). — И хотя считается, что мисс Маддокс была первым человеком, которого суд заключил под стражу, никто не может быть в этом уверен — возможно, кого-то еще лишили свободы за закрытыми дверями, **привычными** для суда.

Значение регулярности передается также с помощью глаголов: *За долгие десятилетия привыкла же блудливая наша Фемида фарсы разыгрывать* («НГ». 01.02.13).

К этой же группе лексики относим лексические единицы, которые указывают на повторность совершения действия, апеллируя к событиям прошлого. Следующие примеры, характеризующие систему правосудия, также передают значение регулярности: *Все по-прежнему — судебная система совершенно неадекватна* («НГ». 13.12.13); *The lenience of the criminal justice system was highlighted yet again as a judge yesterday apologised to career criminal Derek Rossi's two latest victims for the fact that he had been at liberty to attack them* («The DM». 22. 03.14). — И снова подтвердилась снисходительность уголовного судопроизводства вчера, когда судья принес официальные извинения двум последним жертвам профессионального преступника Дерека Росси за то, что он был на свободе и напал на них.

Вторая группа лексики, реализующая стратегию генерализации, содержит **количественные показатели**. В этой связи характерно использование числительных.

В них говорится, что Верховный суд ежегодно разрешает миллионы уголовных и гражданских дел. „Не опечатка — миллионы? Нет. Одних гражданских дел **10 миллионов**, это колоссальный массив“, — оценил президент («РГ». 21.02.13); *Nearly one in five is given a mere caution and hundreds get off with a community sentence* («The DM». 07.04.13). — Почти **каждый пятый** получает просто предупреждение, и сотни отделяются наказанием в виде общественных работ.

Как видим из примеров, количественные данные в дискурсе СМИ описывают тенденции, проявляющиеся в работе суда. Отмечено, что опора на статистическую информацию представляет собой типичное средство воздействия на адресата [Чернявская 2006; Хухрянская 2014].

Перечисляя факты и явления действительности, российские и английские СМИ используют лексику, в семантику которой заложено значение большого количества.

Я не знаю, как называются **массовые** посадки заведомо невиновных людей («НГ». 12.10.14); В России **выросло** число оправдательных приговоров («РГ». 06.08.14); *There have been many people who have committed manslaughter or murder in this country and they never even serve a full sentence* («The G». 03.06.14). — В нашей стране **много** людей, которые совершили непредумышленное или умышленное убийство, и они даже не отбывают весь свой срок наказания; *The Ministry of Justice says that although judges have the power to intervene to prevent overly aggressive cross-examination and character assassinations, there have been a growing number of incidents where victims were traumatised by court cases* («The G». 11.06.13). — Министерство юстиции отмечает, что, несмотря на то, что у судей есть полномочия воспрепятствовать проведению явно агрессивного перекрестного допроса и подавления личности, **количество** случаев, когда суд травмировал потерпевших, **возрастает**.

В следующих примерах набравшие темы обвинительного уклона российского правосудия и благосклонности английских судей затрагиваются посредством фразеологизмов со значением большого количества, использующихся с целью экспрессии и эффективно воздействующих на читателей: *Однако сестра не захотела делить дом с братом и написала заявление: мол-де угрожает бра-*

тельник ей убийством. И Валеру взяли. Таких бытовых историй в колониях — пруд пруди. Ведь родственников не выбирают. Как, впрочем, и судей («НГ». 06.03.13); *It [think-tank] says the statistic highlighted the «revolving door system» of non-custodial punishments that exposes the public to hardened offenders who commit one crime after another* («The DM». 21.02.13). — Он [исследовательский центр] отмечает, что статистика выявила „вращающуюся дверь“ в системе наказаний, не предусматривающей лишения свободы, которая не защищает граждан от опасных преступников, совершающих **одно** преступление за другим.

При указании на «исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений» [Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой...] используются местоимения «все», «всё», что характерно для российских СМИ: *Каждый год суды РФ выносят более 100 тысяч обвинительных приговоров, за решетку попадают почти все — и виновные, и невиновные* («НГ». 09.12.13); *Все* дела, как уголовные, так и гражданские, в которых присутствует „государственный интерес“, рассматриваются в особом порядке под жестким административным контролем, зачастую особо подобранными судьями, которые специализируются на рассмотрении такого рода дел («НГ». 24.07.13); „Верховный суд сделал **все** от него зависящее, чтобы эти необходимые стране и обществу реформы были полностью реализованы, чтобы утвердились такие базовые принципы, как независимость, несменяемость и неприкосновенность судей, доступность и открытость правосудия, состоятельность судебного процесса, а также введен апелляционный пересмотр судебных решений“, — перечислил президент («РГ». 21.02.13).

Заметим, что в основе обобщений такого рода лежит склонность к крайностям, присущая русской культуре [Dubrovskaya 2015]. Национальные особенности выражаются в коммуникативном поведении и проявляются в дискурсе СМИ, подтверждая высказывание ученых о том, что для русской речи характерны гиперболы [Вежбицкая 1997; Дубровская 2014]. Подобных примеров в английском материале нам не встречалось.

Количественные показатели используются также при указании на продолжительный период времени, в течение которого происходит или не происходит действие: „Четвертая волна“ уже на подходе. **Какие-то бесконечные** суды, допросы, повестки, иски... («НГ». 13.08.14); В стране **годами**

не исполняются решения суда («НГ». 22.01.13).

Количественные показатели выражают также степень проявления какого-либо качества: *Нагрузка на судей постоянно растёт* («РГ». 29.01.13).

Наконец, третью группу лексики, реализующую стратегию генерализации, составляют **лексические единицы с семантикой общепризнанности**, которыми сопровождаются сведения о работе правосудия, причем благодаря использованию данных лексических единиц эти сведения позиционируются как достоверные факты действительности, которые характерны для повседневной работы суда: *Оправдательных приговоров у нас, как известно, не бывает* («НГ». 30.07.14); *Foreign couples seek divorces in Britain as judges are considered «generous» to partners of wealthy people* («DM». 20.03.14). — *Зарубежные пары стремятся расторгнуть браки в Британии, так как считается, что судьи „благосклонны“ по отношению к партнерам состоятельных людей.*

Стратегия генерализации реализуется **грамматическими языковыми средствами**. Значение регулярности в русском материале передает **несовершенный вид глагола**. Эта грамматическая форма в следующих фрагментах используется как средство описания общепринятой практики работы суда: *Или вот еще случай был примечательный, на сей раз с судьей. Вынес он, как это у нас бывает, заведомо неправосудное судебное решение, но, видать, не тому вынес, ошибся с субъектом, да так, что судью осудили по ст. 305 — за вынесение такого решения* («НГ». 15.05.13); *И наравне с теми, кто сидит не за то, за что их осудили, есть у нас каста государевых людей, чиновников средней руки. Когда они попадают под суд, то получается весьма странно: все у них как-то гуманно заканчивается в этих судах <...> И наказания у них мягче получаются, чем у обычных людей* («НГ». 27.05.13).

Это же значение в английском материале передается **временами группы Present**: *Judges and social workers have been conspiring to remove children unjustly from their parents, a scathing High Court ruling said today* («The DM». 22.03.14). — *Согласно жесткому постановлению Верховного суда сегодня, судьи вступают в сговор с социальными работниками и безосновательно забирают детей у родителей; Judges were accused of a «failure of duty» last night after it emerged that four out of five serial burglars are escaping with a soft sentence* («The DM». 10.03.14). —

Вчера вечером судей обвинили в „непрофессионализме“, после того как выяснилось, что четыре из пяти серийных грабителей отщелкываются мягким наказанием.

К грамматическим средствам, реализующим стратегию генерализации, относится использование существительных и местоимений во **множественном числе**, которые акцентируют внимание на масштабах, охватывающих описываемые явления действительности: *Этот год вообрал в себя все: с одной стороны, по-прежнему суды без зазрения совести продлевали аресты больным подследственным, по-прежнему плевали на поручительства и вместо альтернативной меры пресечения применяли к социально неопасным обвиняемым арест* («НГ». 27.12.13); *Read these stories of how the secret courts imprison the elderly in care homes against their will — and weep* («The DM». 14.03.14). — *Читайте эти истории о том, как секретные суды отправляют пожилых людей в дома престарелых против их воли — и рыдайте.*

Стратегия генерализации реализуется посредством использования **стилистических приемов**, что характерно для российской «НГ». Широко используются метафоры с обобщающим значением. Так, выражение *плохая генетика*, где *генетика* означает передачу наследственных свойств [Толковый словарь Ушакова...], подразумевает неизменность отрицательных качеств, характеризующих систему правосудия, которая представлена как живой организм: *Павел ЧИКОВ: „У нашего суда и закона плохая генетика“* («НГ». 15.07.13).

Метафоричная номинация *конвейер* в отношении судебной власти, содержащая сему непрерывности, так же как и лексическая единица *бесконечность*, означающая отсутствие предела, создают образ политизированной судебной системы, который является обобщающим: *Мосгорсуд для меня — это место работы, на которую не хочется ходить. Потому что здесь — уходящий в дурную бесконечность конвейер политических дел* («НГ». 09.09.13).

Выражение *новой модой* в следующем примере подразумевает регулярность совершения подобного действия, поскольку слово «мода» берет свое начало от латинского «modus» и означает «мера, способ, правило» [Большой энциклопедический словарь...]. Исследователи отмечают, что судья является участником драматического действия [Дубровская 2010], а дискурс судебного заседания представляет собой ритуальное событие с присущими ему сценарностью, ролевой структурой и символичностью [Тю-

тюнова 2012]. Несоблюдение традиционного ритуала маркируется в «НГ» метафорическим выражением *новой модой*, содержащим негативную коннотацию: *А сейчас вот лично я столкнулась с новой модой среди судейских: оглашать решения участникам процесса не в зале суда в судебном заседании, а в коридоре суда, по случаю, причем оглашать решения, касающиеся лишения свободы, — сама столкнулась с таким в минувшую пятницу в Ивановском облсуде, причем речь шла не просто о судьбе, а о целой коллегии судей* («НГ». 10.04.13).

В следующем фрагменте прослеживается явное намерение журналиста дискредитировать судебную власть посредством использования оксюморона. Положительно окрашенное выражение *побил рекорды* в сочетании с эксплицитно выраженным осуждением придают особую экспрессивность высказыванию и служат эффективным средством достижения авторского замысла: *2013 год побил рекорды по самым позорным и несправедливым судебным решениям* («НГ». 27.12.13).

Вопросно-ответные единства, использующиеся в «НГ», также содержат высказывания обобщающего характера, что подтверждает следующий пример: *Однажды я сидела на процессе по убийству, куда своими ногами пришел труп — то есть человек, в смерти которого обвиняли подсудимого. Думаете, суд его отпустил? Тогда вы ничего не знаете про суд* («НГ». 09.07.14).

Вероятно, что, в соответствии с правовыми нормами, существует определенная процедура, которая предшествует процессу освобождения подсудимого из-под стражи, однако об этом в статье не упоминается. Вопросно-ответное единство далее содержит стилистический прием градации, которая достигается посредством лексического повтора (*отсидели, сидят, сядут*) и лексических единиц со значением большого количества (*сотни, тысячи*): *А сколько таких, как Валера, отсидели, сидят и еще сядут? Скажу по многолетнему опыту — сотни, если не тысячи* («НГ». 22.05.13).

Использование стилистических средств, реализующих стратегию генерализации, в меньшей степени характерно для английских СМИ. В этой связи отметим использование лексических повторов, параллельных конструкций и градации: *Rachel Halford, director of campaign group "Women in Prison", which compiled the report, said: "There are still too many women unnecessarily imprisoned, too many women hurting themselves in prison and too many women reoffending on release"*

(«The G». 27.01.13). — *Рейчел Хэлфорд, лидер движения „Женщины в тюрьме“, которая представил отчет, сказала: „Все еще слишком много женщин, лишенных свободы без необходимости, слишком много женщин, наносящих себе увечья в тюрьме, и слишком много женщин, повторно совершающих преступления после освобождения“.*

Помимо языковых средств, составляющих стратегию генерализации, следует отметить такой прием, как **подбор фактов**. В статье под заголовком *«Были детские сады, стали — суды»* на фоне негативной тональности публикации приводится список судов, расположенных в зданиях бывших детских садов: *Следственный комитет и суд отправили детей в тубдиспансер, а сами переехали в детские сады, вот молодцы. В соседней Ивановской области — та же история, только еще циничнее, хотя куда уж. Суд в Лежневе Ивановской области тоже в здании детского сада. В Новомосковске Тульской области был дом детского творчества, стал суд. Куда детское творчество дели, науке неизвестно. В Екатеринбурге следственный комитет тоже сидит в здании бывшего детсада, да и многие суды тоже. В Казани Советский райсуд выкинул детей из здания детсада, сам туда переехал. Авиастроительная прокуратура поступила аналогичным образом. В Электростали суд въехал в детский сад, теперь там, где были веранды и площадки для прогулок, — стоянка для машин, только для судебных. Посетители паркуются во дворах* («НГ». 06.03.13).

Несмотря на тот факт, что суды действительно располагаются в зданиях детских садов, автор статьи не упоминает о том, что в период демографического кризиса 90-х гг. в России детские сады оказались невостребованы, в результате чего здания были переданы другим организациям, в том числе судам. Данный прием позволяет журналистам «увеличить масштабы» описываемых событий и фактов.

Подбор фактов также имеет место при обсуждении судебных решений, которые, по мнению журналиста, являются несправедливыми. Так, статья *«В России назрела большая нужда в правосудии»* («НГ». 30.08.13) затрагивает вопрос абсурдности приговора молодому человеку, обвиняемому по статье «Развратные действия в отношении несовершеннолетних». Как утверждает журналист, *«Руслан Вахапов получил 5 лет колонии за то, что справил нужду в неположенном месте»*. Здесь же приводятся по-

добные примеры, в которых фигуранты были осуждены, причем, как утверждает автор, безосновательно, а также перечислены имена реальных педофилов, получивших «символические сроки». Такой подбор фактов в «НГ» подчеркивает непрофессионализм судей и акцентирует внимание читателей на распространенности этого факта.

Этот же прием используют журналисты британского таблоида «The DM». В статье под заголовком «*Read these stories of how the secret courts imprison the elderly in care homes against their will — and weep*» — «Читайте эти истории о том, как секретные суды отправляют пожилых людей в дома престарелых против их воли — и рыдайте» («The DM». 14.03.14) приводится подборка судебных решений, в соответствии с которыми пожилых людей передают на попечение социальных служб против их воли. Как представляется, стратегия генерализации в данной статье позволяет подчеркнуть отрицательные аспекты функционирования секретного правосудия в Великобритании.

Утверждение о том, что английские судьи проявляют чрезмерную мягкость, также подтверждается соответствующим подбором фактов в статье из таблоида «The DM»: *Judge who said burglar was brave refuses to jail paedophile because he'd "have a hard time": Child-abuse campaigners attack let-off for serial offender* («The DM». 01.04.13) — Судья, который сказал, что грабитель смелый, отказывается заключать в тюрьму педофила, потому что «ему будет трудно». Участники кампании против совращения малолетних критикуют освобождение от наказания серийного преступника. Помимо освещения конкретного судебного дела, которому посвящена статья, здесь же перечисляются другие судебные решения, которые позиционируются как чрезмерно мягкие, что позволяет сделать вывод о том, что снисходительность представляет собой неотъемлемую характеристику английского правосудия. Та же проблема затрагивается и в статье под заголовком *Is this the softest judge in Britain? Appeal Court rules three of his jail terms too lenient* («The DM». 27.06.13) — Это самый мягкий судья в Британии? Апелляционный суд постановил, что три назначенных им тюремных срока слишком мягкие. В статье представлена подборка «неоправданно» снисходительных приговоров судьи. В качестве доказательств его мягкости приводятся решения апелляционного суда, назначившего более суровые наказания, причем акцентируется тот факт, что апелляционный суд изменил приговоры

по двум судебным делам в течение одного года.

Таким образом, стратегия генерализации используется главным образом в ее негативном варианте, чем создается отрицательный образ судебной системы. Стратегия генерализации, нацеленная на конструирование положительного образа правосудия, встречается в правительственной «РГ» при подчеркивании эффективности работы судебной власти, а также при указании проблем, стоящих перед судебной системой, в частности проблемы высокой нагрузки на судей. В оппозиционной «НГ» наблюдается тенденция к дискредитации института правосудия посредством использования данной стратегии. Стратегия генерализации в английских газетах сопутствует указанию на отрицательные стороны английской судебной системы, причем эти отрицательные характеристики особо акцентируются в таблоиде «The DM», что соответствует формату издания. Нам встретились единичные примеры использования стратегии генерализации в ее позитивном варианте в английских СМИ.

Языковой спектр реализации данной стратегии широк. На лексическом уровне стратегию генерализации реализуют лексические единицы со значением регулярности/нерегулярности совершения действия, лексические единицы, содержащие количественные показатели, в частности числительные, лексика, в семантику которой заложено значение большого количества, и также лексические единицы с семантикой общепризнанности. Грамматический уровень реализации стратегии генерализации представлен несовершенным видом глагола в русском материале и видо-временными формами группы Present в английском материале, а также множественным числом существительных и местоимений. Стратегия генерализации реализуется также посредством использования стилистических языковых средств, таких как метафора, оксюморон, вопросно-ответные единства, лексические повторы, параллельные конструкции, градация. Наконец, стратегия генерализации воплощается посредством приема подбора фактов, реализующего интенцию автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов С. Ю. Номинативные стратегии для обозначения людей в письмах читателей // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 57—61.
2. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0/> (дата обращения: 27.12.2015).
3. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 26.12.2015).

4. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Гуляйкина С. О., Дубровская Т. В., Данкова Н. С. Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 101—108.
6. Данкова Н. С. Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия оценки // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 192—198.
7. Дубровская Т. В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. № 3. С. 72—81.
8. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах: моногр. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 272с.
9. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). — М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
10. Кормилицына М. А. Формирование имиджа политика средствами СМИ // Проблемы речевой коммуникации между-вуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 65—70.
11. Ноблок Н. Л. Авторские стратегии в англоязычном политическом дискурсе: на материале теледебатов Дж. Буша — Дж. Керри: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2007. 23 с.
12. Орлова О. Г. Составление словаря стереотипов о русских: содержание и форма // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 175—182.
13. Пономарева О. А. Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2008. 215 с.
14. Порохницкая Л. В. Типология фразообразовательных способов эвфемизации в европейских языках (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков) // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. 2012. № 642. С. 178—186.
15. Российский суд теряет завоеванное доверие. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (дата обращения: 12.01.2015).
16. Сальникова И. М. Метафора «Политика — это спорт» как способ концептуализации сведений о политической действительности (на материале британского и американского медиадискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2013. 24 с.
17. Суздальцева В. Н. Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М.: Изд-во Москов. ун-та, Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 284—328.
18. Толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <http://www.slovopedia.com/15/194/1496315.html> (дата обращения: 26.12.2015).
19. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://www.slovopedia.com/3/195/780858.html> (дата обращения: 27.12.2015).
20. Тютюнова О. Н. Ритуальный компонент дискурса судебного заседания // Грани познания. 2012. № 5 (19), дек. URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 24.12.2015).
21. Фролова И. В. О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 138—144.
22. Харламова Т. В. Ключевые слова текущего момента как отражение трансформации и мифологизации политического мышления // Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ: коллективная моногр. / под ред. О. Н. Дубровской, Т. В. Харламовой. — Саратов: Научная книга, 2008. С. 34—50.
23. Харламова Т. В. Конструирование образа российской власти в зарубежных СМИ // Язык. Право. Общество: сб. ст. 2 Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук О. В. Барабаш, д-ра филол. наук, доц. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 397—403.
24. Хухрянская Н. Н. Функционально-стилистическая характеристика квантитативов в медиатексте // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ / под ред. М. Ю. Казак. — Белгород: Константа, 2014. С. 168—174.
25. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
26. Ajiboye E. Ideological Discourse Analysis of the Functions of Feedback Comments on Online Reports of Socio-political Crises in Nigeria // Covenant Journal of Language Studies. 2013. Vol. 1, № 2. P. 128—147. URL: <http://journals.covenantuniversity.edu.ng/jls/published/Esther.pdf> (date of access: 12.01.2016).
27. Dijk T. A. van. Aims of critical discourse analysis // Japanese discourse. 1994. Vol. 1. P. 17—27.
28. Dijk T. A. van. Prejudice in Discourse. — Amsterdam: Benjamins, 1984. 170 p.
29. Dubrovskaya T. Speech Genres of Negative Evaluation in Russian Culture // Young Scholars' Developments in Linguistics: Tradition and Change / ed. by T. V. Dubrovskaya, Y. A. Lobina. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 60—82.
30. Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial Power in Russian Print Media: Strategies of Representation // Discourse & Communication. 2015. № 9, June. P. 293—312.
31. Mejia A. The General in the Particular // Journ. of Philosophy of Education. 2010. Vol. 44, No. 1. P. 93—107.
32. Memory Errors Reveal a Bias to Spontaneously Generalize to Categories // Cognitive Science / S. L. Sutherland [et al.]. 2015. № 39. P. 1021—1046.
33. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination: Rhetoric of Racism and Anti-Semitism. — London: Routledge, 2001. 298 p.
34. Select Committee on Constitution Sixth Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/15106.htm> (date of access: 22.09.2015).

N. S. Dankova
Penza, Russia

GENERALIZATION STRATEGY AS A MEANS OF REPRESENTING JUDICIAL POWER (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH PRINT MEDIA)

ABSTRACT. *The present study is devoted to the problem of discursive means used to construct the image of judicial power in Russian and English print media. The current research is considered to be a worthwhile study because of the negative public opinion about judicial power in Russia and a number of critical remarks directed towards the judiciary in Great Britain. The purpose of the study is to analyze the linguistic means employed to construct the image of judicial power within the strategy of generalization. The strategy of generalization may be used to create both positive and negative images of judicial power but the results of the given research show that it is mostly used to produce critical remarks. The author investigates lexical and grammatical language means as well as stylistic devices that realize the generalization strategy in Russian and English print media. According to the undertaken research, generalization is also constructed by means of selection of facts aimed at realization of the journalist's intention. Additionally, the author reveals cultural differences typical of employing the generalization strategy in Russian and English print media. Finally, the author makes a conclusion about the role of the investigated strategy in constructing the image of the judiciary in mass media. The article promotes deeper understanding of mass media discursive mechanisms that influence public opinion about the judiciary.*

KEYWORDS: *judicial power; mass media; strategy; generalization; image.*

ABOUT THE AUTHOR: Dankova Natal'ya Stanislavovna, Senior Lecturer, Post-graduate Student of Department of English, Penza State University, Russia, Penza.

REFERENCES

1. Arkhipov S. Yu. Nominativnye strategii dlya oboznacheniya lyudey v pis'makh chitateley // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. № 2. S. 57—61.
2. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0/> (data obrashcheniya: 27.12.2015).
3. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/> (data obrashcheniya: 26.12.2015).
4. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. — M.: Russkie slovari, 1997. 416 s.
5. Gulyaykina S. O., Dubrovskaya T. V., Dankova N. S. Manipulyativnyy potentsial mediynykh strategiy reprezentatsii sudebnoy vlasti (na materiale SMI Penzenskoy oblasti) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 101—108.
6. Dankova N. S. Reprezentatsiya sudebnoy vlasti v diskurse rossiyskikh i angliyskikh pechatnykh SMI: strategiya otsenki // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 192—198.
7. Dubrovskaya T. V. Obraz sud'i i sudebnoy vlasti v diskurse angliyskikh SMI // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. 2008. № 3. S. 72—81.
8. Dubrovskaya T. V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh: monogr. — Penza: Izd-vo PGU, 2014. 272s.
9. Dubrovskaya T. V. Sudebnyy diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov). — M.: Akademiya MNEPU, 2010. 351 s.
10. Kormilitsyna M. A. Formirovanie imidzha politika sredstvami SMI // Problemy rechevoy kommunikatsii mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotinoy. — Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004. Vyp. 4. S. 65—70.
11. Noblok N. L. Avtorskie strategii v angloyazychnom politicheskom diskurse: na materiale teledbatov Dzh. Busha — Dzh. Kerri: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tambov, 2007. 23 s.
12. Orlova O. G. Sostavlenie slovary stereotipov o russkikh: sodержanie i forma // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 175—182.
13. Ponomareva O. A. Verbalizatsiya politicheskogo imidzha v rossiyskikh i amerikanskikh sredstvakh massovoy informatsii: dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2008. 215 s.
14. Porokhnitskaya L. V. Tipologiya frazoobrazovatel'nykh sposobov evfemizatsii v evropeyskikh yazykakh (na materiale angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i ital'yanskogo yazykov) // Vestn. Moskov. gos. lingvist. un-ta. 2012. № 642. S. 178—186.
15. Rossiyskiy sud teryaet zavoevannoe doverie. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (data obrashcheniya: 12.01.2015).
16. Sal'nikova I. M. Metafora «Politika — eto sport» kak sposob kontseptualizatsii svedeniy o politicheskoy deystvitel'nosti (na materiale britanskogo i amerikanskogo mediadiskursa): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2013. 24 s.
17. Suzdal'tseva V. N. Obraz vlasti v sovremennykh rossiyskikh SMI // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — M.: Izd-vo Moskov. un-ta, Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. C. 284—328.
18. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. T. F. Efremovoy. URL: <http://www.slovopedia.com/15/194/1496315.html> (data obrashcheniya: 26.12.2015).
19. Tolkovyy slovar' Ushakova. URL: <http://www.slovopedia.com/3/195/780858.html> (data obrashcheniya: 27.12.2015).
20. Tyutyunova O. N. Ritual'nyy komponent diskursa sudebnogo zasedaniya // Grani poznaniya. 2012. № 5 (19), dek. URL: <http://www.grani.vspu.ru> (data obrashcheniya: 24.12.2015).
21. Frolova I. V. O vyrazhenii sub"ektivnosti v analiticheskikh stat'yakh kachestvennoy britanskoy i rossiyskoy pressy // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 138—144.
22. Kharlamova T. V. Klyucheve slova tekushchego momenta kak otrazhenie transformatsii i mifologizatsii politicheskogo myshleniya // Dinamika sovremennogo politicheskogo myshleniya v sovremennom diskursivnom prostranstve. Vlast' i SMI: kolektivnaya monogr. / pod red. O. N. Dubrovskoy, T. V. Kharlamovoy. — Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. S. 34—50.
23. Kharlamova T. V. Konstruirovaniye obraza rossiyskoy vlasti v zarubezhnykh SMI // Yazyk. Pravo. Obschestvo: sb. st. 2 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 9 apr. 2014 g.) / pod red. kand. filol. nauk O. V. Barabash, d-ra filol. nauk, dots. T. V. Dubrovskoy, kand. ped. nauk, prof. G. I. Kanakinoy. — Penza: Izd-vo PGU, 2014. S. 397—403.
24. Khukhryanskaya N. N. Funktsional'no-stilisticheskaya kharakteristika kvantitativov v mediatekste // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: sb. nauch. rabot / pod red. M. Yu. Kazak. — Belgorod: Konstanta, 2014. S. 168—174.
25. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya: ucheb. posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2006. 136 s.
26. Ajiboye E. Ideological Discourse Analysis of the Functions of Feedback Comments on Online Reports of Socio-political Crises in Nigeria // Covenant Journal of Language Studies. 2013. Vol. 1, № 2. P. 128—147. URL: <http://journals.covenantuniversity.edu.ng/jls/published/Esther.pdf> (date of access: 12.01.2016).
27. Dijk T. A. van. Aims of critical discourse analysis // Japanese discourse. 1994. Vol. 1. P. 17—27.
28. Dijk T. A. van. Prejudice in Discourse. — Amsterdam: Benjamins, 1984. 170 p.
29. Dubrovskaya T. Speech Genres of Negative Evaluation in Russian Culture // Young Scholars' Developments in Linguistics: Tradition and Change / ed. by T. V. Dubrovskaya, Y. A. Lobina. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 60—82.
30. Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial Power in Russian Print Media: Strategies of Representation // Discourse & Communication. 2015. № 9, June. P. 293—312.
31. Mejia A. The General in the Particular // Journ. of Philosophy of Education. 2010. Vol. 44, No. 1. P. 93—107.
32. Memory Errors Reveal a Bias to Spontaneously Generalize to Categories // Cognitive Science / S. L. Sutherland [et al.]. 2015. № 39. P. 1021—1046.
33. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination: Rhetoric of Racism and Anti-Semitism. — London: Routledge, 2001. 298 p.
34. Select Committee on Constitution Sixth Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/15106.htm> (date of access: 22.09.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Т. В. Дубровская.